

ДВА ВЗГЛЯДА НА ГОДЫ «СЕМИНАРСКОЙ УЧЕБНОЙ ТЯГОТЫ» (МЕМУАРЫ ВОСПИТАННИКОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ И ИХ ВКЛАД В ДИСКУССИЮ О РЕФОРМЕ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ)*

О. Д. Попова

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Поступила в редакцию 28 июня 2017 г.

Аннотация: анализируются мемуары воспитанников Воронежской духовной семинарии как исторический источник. Показано, что мемуары семинаристов отражают особенности повседневной жизни и учебного процесса. Эти документы демонстрируют отношение авторов мемуаров к реформам в духовной школе.

Ключевые слова: духовные семинарии, мемуары, сословия, повседневность, дискуссии о развитии духовного образования.

Abstract: this is article about memoirs of seminarians of the Voronezh theological Seminary as a historical source. The author of this article shows that memoirs of seminarians reflect the peculiarities of everyday life, the learning process. These documents demonstrate the attitude of the authors of memoirs towards to reform a theological school.

Key words: seminaries, memoirs, bar, daily, discussions on the development of theological education.

Интересным источником по истории духовно-учебных заведений являются мемуары их воспитанников, которые активно публиковались в начале XX в. Анализируя мемуары как исторический источник, необходимо обязательно учитывать не только определенный субъективный характер текста, но и понимать, что хотели сказать авторы, почему тот или иной эпизод возник в памяти автора. Представляется, что публикация мемуаров воспитанниками семинарий была одной из форм участия авторов в дискуссиях о путях развития духовной школы. Авторы, рассказывая эпизоды из своей семинарской юности, так или иначе, пытались осмыслить, каким должно быть образование детей духовенства. Большой интерес среди документов, появившихся на страницах периодики, представляют мемуары бывших воспитанников Воронежской духовной семинарии, которые были опубликованы на рубеже XIX–XX вв. Данные документы представляют интерес не только как источник по истории повседневности закрытых учебных заведений, но и как размышление о наиболее оптимальных формах образования для детей духовного сословия. Важным является осмыслить данные источники с позиций раздумий бывших выпускников Воронежской семинарии о наиболее оптимальных формах развития духовного образования в России.

Первый документ был опубликован в 1899–1900 гг. на страницах «Воронежских епархиальных ведомостей». Автор подписал свои мемуары как С-к-й, при этом точно указал даты своей учебы в Воронежской духовной семинарии – с 1859 до 1865 г. Работа с опубликованными списками выпускников Воронежской духовной семинарии [1; 2] позволяет предположить, что автором данного документа является Александр Петрович Сердобольский. В списках выпускников он обозначен как сын священника из Бирючинского уезда, который после завершения учебы в семинарии служил священником в Покровской церкви села Старая Ведуга Землянского уезда, затем в селе Боево, где и скончался [2, с. 140]. На его авторство мемуаров указывает не только схожее написание фамилии с буквами С-к-й, но и тот факт, что в самом тексте он отмечает, что поступал в семинарию как выпускник Бирючинского училища. Других выпускников Бирючинского училища с подобным написанием фамилии в списках не значится.

Вторые мемуары принадлежат Павлу Владимировичу Цезаревскому. Они отражают его учебу в семинарии в 1865–1871 гг. Его воспоминания увидели свет на страницах журнала «Звонарь» в революционные 1905–1906 гг. Его авторство зафиксировано в биографических сведениях работы В. В. Литвинова, где также указывается, что Цезаревский после выпуска из семинарии получил медицинское образование, работал лекарем, занимался активной писательской деятельностью [1, с. 110].

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 16-01-00468/17-ОГОН.

© Попова О. Д., 2017

Оба по-разному определяли свой посыл для написания мемуаров. Александр Петрович Сердобольский предопределял главным мотивом написания своих воспоминаний празднование 150-летнего юбилея своего родного учебного заведения. П. В. Цезаревский более ясно заявил о своем желании осмыслить судьбу духовной школы, надеясь, что «воспоминания о семинарской школе прежнего времени невольно наводят на сравнения и приподнимают завесу некоторых, по крайней мере, причин этих частных смен и не семинарской только, но и общей средней школы...» [3, с. 248]. При этом он отметил, что дело-производство духовной семинарии – официальные отчеты и конспекты уроков – было не в состоянии сохранить «дух той умственной работы, которая велась в семинарии» [там же, с. 278].

Несколько различное отношение авторов к проблемам духовной школы видно даже по выбранным для публикации изданиям, которые отражают характер каждого из этих документов. Журнал «Воронежские епархиальные ведомости» являлся официальным органом печати Воронежской епархии, и поэтому материалы неофициальной части были идеологически выверены в соответствии с духом эпохи. Однако надо отметить, что, несмотря на официальный стиль мемуаров Сердобольского, его стремление внести лепту в дискуссию о духовной школе тоже присутствует.

Журнал «Звонарь», который начал выходить в 1906 г., являлся умеренно оппозиционным изданием, на страницах которого появлялись порой очень острые материалы о жизни Русской православной церкви, проблемах духовно-учебных заведений, сложностях приходской жизни. Поэтому неслучайно Цезаревский выбрал именно этот журнал как поле своих рассуждений о судьбе духовной школы. Он подробно размышлял о различных сторонах «семинарской учебной тяготы», как он называл свои годы пребывания в семинарии.

Как и многие мемуары воспитанников учебных заведений, эти оба документа являются интересным источником по истории провинции и повседневности. Оба автора погружают читателя в мир провинциального Воронежа середины XIX в. Например, читатель может увидеть в тексте обращение к таким историческим топонимам города Воронежа, как «Застава», «Лоск», у «Самохваловского завода». Анализ краеведческой литературы и топомических справочников позволяет понять, что это окраины города, где семинаристы снимали дешевые квартиры. Еще более интересные сведения о жизни Воронежа содержатся в повествовании Цезаревского. Например, совершенно не типичным для воспоминаний выпускника духовной семинарии является описание театральной жизни Воронежа. В частности, автор писал, что во-

ронежские зрители могли увидеть на сцене театра комедии известного в середине XIX в. драматурга Виктора Антоновича Дьяченко, который в этот период жил в Воронеже. Интересным является и описание в тексте труппы Воронежского театра: «Комик Онегин смешил воронежцев едва ли не 10 лет, все так же пел Кварталов, неизменно пожинал лавры действительно выдающийся трагик Колюбакин, Степанов и Степанова, Максимов, Шмитгоф, Майорова, Нарекая, сестры Борисовы, Качевская и др». Как заметил Цезаревский, все артисты труппы так сжились с Воронежем, что всем уже казались своими даже в частной жизни [4, с. 260].

Традиционным для мемуаров учащихся закрытых учебных заведений является описание повседневного быта воспитанников. В описании своей юности многие авторы из духовного сословия единодушны: голодное и холодное существование – это то, что объединяет многих, кому приходилось прожить несколько лет в семинарской «бурсе» в середине XIX в. В этом аспекте Воронежская семинария не является исключением.

Оба автора описывали жизнь как квартирных, так и тех, кто жил в корпусе и находился на казенном содержании. По словам А. П. Сердобольского, те, кто не имел возможности жить в казенном общежитии, были вынуждены снимать квартиру, которую обычно делили между собой 5–6 человек. Воспитанники спали по двое на одной кровати, а иногда и на полу, жили при своем столе, на покупку провизии делали складчину; один кто-либо из старших заведовал «кассой», и каждый день по очереди ходили на базар за закупкой провизии. При этом не всегда семинаристы могли правильно распорядиться своими финансами и порой «по приезде из домов, когда “касса” была богата, сожители поведут роскошную жизнь, а к концу трети задолжают хозяевам, занимают деньги, где только могут, иные (конечно, немногие, иначе это было бы заметно для начальства) из старших классов тайком перебирались в корпус и, пользуясь покровительством корпусных товарищей, кое-как пропитывались здесь до полочки денег из дома» [5, с. 765]. Цезаревский при этом отметил еще одну интересную подробность: семинарское руководство весьма слабо следило за квартирными, их занятия никак не контролировались. Как писал Цезаревский, начальство даже не интересовалось, как соблюдались воспитанниками христианские обязанности, перекладывая это на старших воспитанников. Например, о ректоре архимандрит Вениамин (Быковский) внушал старшим квартирным: «Вы, господа, хорошенько смотрите за семинаристами. Они, может быть, у вас и в церковь не ходят (у нас квартирные старшие были в то время распределены по приходским церквам, но это было только номинально), пожалуй, – они на лодках там

поедут на острова, вместо церкви, да еще там покурят» [4, с. 280].

Представляется, что данный факт отражен в мемуарах неслучайно, поскольку типичным эпизодом для многих записок семинаристов, появляющихся в печати в то время, был именно факт жесткого контроля начальством посещения семинаристами богослужений. Например, протоиерей П. Руткевич, вспоминая о детстве, проведенном в Киевской духовной семинарии, подробно описал способы уклонения семинаристов от службы, что фактически превращалось в игру в прятки с инспектором классов. В одном из случаев семинарист даже предпринял попытку спрятаться в бочке, где была, как выяснилось, налита вода [6, с. 10].

Не менее сложна была жизнь у тех воронежских семинаристов, кто жил в корпусе. Постоянное чувство голода и холода – это то, что сопровождало молодых людей на протяжении всех лет учебы в семинарии. Обед в основном состоял из щей с микроскопическим кусочком мяса и каши, иногда в праздничные дни давали окрошку из серого кваса с куском солонины, разбавленного хреном; вместо каши в большие праздники – жаркое из свинины. Как отметили оба автора, порции еды были чрезвычайно малы, а качество еды порой было очень низким. «Вопрос тут не в роскоши, а именно – в достаточном количестве питательных элементов, а их-то не доставало. Пообедаешь, бывало, и чувствуешь, идучи из столовой, что еще съел бы другой обед», – писал Сердобольский [5, с. 779].

Одновременно Цезаревский вспоминал, что ради экономии в семинарском корпусе никогда не топили, в классах всегда было сыро, в течение зимы и осени почти темно. При этом классы были переполнены – 900 учеников размещалось в 8 классах [4, с. 256]. Анализ материалов ревизий Воронежской духовной семинарии позволяет предположить, что еще не все ужасы быта нашли отражения в мемуарах. Ревизор Мирапольский в своем отчете за 1878 г. отмечал ужасное состояние туалетов и отсутствие бани: ««Ретирады – верх безобразия». При первом входе в семинарию посетителя обдает жутким зловонием, которое проникает везде» [7, л. 53]. Можно предположить, что и в годы учебы Цезаревского эта сторона жизни семинарии была не лучше.

Еще одна интересная черта, зафиксированная Сердобольским, – это наличие своеобразной «дедовщины». Старшие – «богословы» – заставляли младших прислуживать себе. В права старших также входила возможность делать замечания и наказывать младших за нарушение дисциплины. И старшие этим правом пользовались порой сверх меры [5, с. 771]. Следует отметить, что, излагая факты издевательств со стороны старших, оба автора показывали эти ситуации без возмущения и воспринимали их как само

собой разумеющееся. Здесь нельзя не согласиться с наблюдением, сделанным Манчестер. Она отмечает, что суровость жизни в семинарской бурсе у многих ассоциировалась со страданиями Христа, поэтому многие воспитанники стоически переносили голод и холод. Физические страдания, наказания превращали учеников в аскетов [8, р. 135].

Для семинарских мемуаров рубежа XIX–XX веков определенным толчком к творчеству послужила публикация «Очерков бурсы» Н. Помяловского. Многие авторы, взявшись за перо, стремились ответить на вопрос: насколько их семинарская юность отличалась от тех картин, которые написал Н. Помяловский. Касался этого вопроса и Цезаревский. Однако он категорически не согласен с автором «Очерков бурсы». Он решительно отрицал факты повального пьянства, картежной игры в Воронежской семинарии. Он признавал, что иногда семинаристы отдавали дань «возлиянием Бахусу», но при этом отмечал, что потребление вина у воронежских семинаристов носило умеренный характер и только по большим праздникам. Занятым является у Цезаревского описание походов в пивную, но, по словам автора, цель у юношей была другая – изучение немецкого языка, поскольку эту пивную посещало много немцев. Именно в этой пивной семинаристы впервые познакомились с газетами, как столичными, так и местными [4, с. 252].

Особый интерес в этих мемуарах представляет описание учебного процесса. Оба автора дали очень красочные и яркие портреты своих преподавателей. При этом, описывая методику преподавания, они отмечали отсутствие нормальных учебников и учебу по литографированным запискам, что было характерно для многих семинарий того времени. Некоторые из учителей придерживались в опросах зубрежки, распространенной во многих семинариях. В частности, Сердобольский указывал на П. А. Вишневого, который требовал от своих учеников ответа урока «слово в слово»: «“Как бы хорошо своими словами ученик ни передавал свой урок”, говорил в оправдание своего требования П. А.: “он никогда не передаст его во всей детальной точности, – и притом – *своими словами* умнее, чем сказано в записках, никогда не скажет”» [9, с. 210]. Однако, как отметил автор мемуаров, таких преподавателей в Воронежской семинарии было немного.

Главное место и внимание в описании учебного процесса оба автора отводят духу творчества и особой интеллектуальной атмосфере, которая сложилась в семинарии. Круг чтения семинаристов, описываемый в мемуарах, был очень широк. Как образно заметил Цезаревский: «Чтение книг и изучение литературы в Воронежской семинарии было поставлено так, что воспитанники ее, являясь потом студентами в акаде-

мии, университете и институте, долго не встречали для себя литературных новостей» [4, с. 244]. При скудости семинарской библиотеки воспитанники могли широко пользоваться как городской библиотекой, так и частной библиотекой Никитина. У молодых людей в почете были наиболее передовые писатели того времени. «"Поклонение" Белинскому было сильно, – и даже ученики, не отличавшиеся особым развитием, малоуспешные считали нужным носить в класс Белинского под мышкой, якобы для чтения на переменах, так как чтение Белинского было между нами некоторого рода дипломом на звание "мыслящего", "передового"», – писал Сердобольский. Помимо Белинского семинаристы читали Тургенева, Чернышевского, «Элладу и Рим» Вагнера, Бокля, Гизо, Дреппера, Гейне.

Все это чтение имело и творческий выход – написание сочинений. В классе, в котором учился А. П. Сердобольский, преподавал Матвей Васильевич Невский, который предлагал своим ученикам самые разнообразные темы на выбор, порой даже давал возможность сформулировать свою тему. Иногда выбор учеников был очень оригинален: например, один писал на тему «Базаров с психологической точки зрения», увлекшись только что вышедшим тогда романом Тургенева «Отцы и дети» [9, с. 208]. П. В. Цезаревский также вспоминал о сочинениях, написанных учениками старших классов, объем которых в некоторых случаях достигал более 30 страниц. Он привел пример, как его одноклассник С. Миропольский для подготовки сочинения об Островском перечитал всю тогдашнюю критическую литературу.

Более того, Сердобольский указывал, что в его время семинаристы даже смогли ознакомиться с запрещенной тогда скандальной книгой И. С. Беллюстина «Описание сельского духовенства», которую они стащили из квартиры ректора семинарии. В начале XX в. эти эпизоды имели большое значение для осознания проблем духовно-учебных заведений. К этому времени во многих семинариях такие интеллектуальные потоки решительно пресекались, а читаемые книги строго контролировались. Например, ревизор, проводивший ревизию Костромской семинарии в 1883 г., отмечал: «Запас книг в библиотеке достаточен, но учащимся не нравится, что выбор книг в ней сделан со строгим разбором и из числа книг исключены журналы. Поэтому они и стараются добывать на стороне» [10, л. 41]. В той же Костромской семинарии в 1891 г. был поставлен вопрос на педагогическом совете об исключении из семинарии ученика только за то, что преподаватель увидел на парте том произведений Шелгунова [11, л. 70 об.]. Николай Васильевич Щелгунов принадлежал к русским революционным демократам, был последовате-

лем Чернышевского. Поэтому чтение его работ было под запретом. Сердобольский же в мемуарах увлечение передовой литературой приписывал именно юношескому возрасту, и при этом он подчеркивает, что «для массы такое чтение не принесло существенного вреда» [9, с. 208].

Много места в мемуарах Цезаревского нашли рассуждения о целях и задачах семинарского устава и обсуждение вопроса о возможности выпускникам духовных семинарий поступать в университеты. Для начала XX в. высказывания на эту тему выглядели особенно актуально. Данная проблема активно обсуждалась на страницах периодической печати, где сталкивались мнения как сторонников предоставления возможности детям духовенства поступать в высшие учебные заведения, так и тех, кто старательно пытался уберечь Русскую православную церковь от утечки потенциально лучших служителей в светские учебные заведения. В петициях семинаристов, массово подаваемых учащимися духовно-учебных заведений, на первом месте стояло требование свободного доступа семинаристов в стены университетов. В частности, подобная петиция Воронежских семинаристов в 1905 г. содержала требование соединить все классы духовного училища и семинарии с прибавлением двух богословских классов с тем, чтобы выпускники 8-го класса могли поступать во все светские учебные заведения [12, с. 5].

В мемуарах Цезаревского мысли о целях и задачах духовно-учебных заведений получили отражение через осмысление необходимости в учебном плане тех или иных предметов. Он очень ярко описал свой опыт изучения медицины и сельского хозяйства, преподавание которых предусматривалось в соответствии с Уставами 1840 г. При этом он констатировал, что семинаристы с большим интересом слушали лекции по медицине и с желанием совершали экскурсии за город, занимались выращиванием урожая на опытном огороде. Однако при этом он сделал вывод, что большой пользы эти занятия не принесли: курс медицины был слишком мал, чтобы семинаристы могли использовать полученные знания в реальной жизни. Автор пришел к выводу, что преподавание сельского хозяйства и медицины в духовных семинариях являлось наиболее ярким примером непродуманности системы обучения семинаристов [13, с. 254]. Антука, т. е. универсального специалиста из выпускника духовных семинарий, по мнению автора, не получилось.

По поводу всего учебного плана Цезаревский замечал: «Перепутанность предметов была удивительная», что приводило к тому, что такая нелогичность учебного плана «до крайности разбрасывает внимание учеников и лишает их сосредоточенности...» [3, с. 254].

Еще одна сторона размышлений Цезаревского – это поступление семинаристов в высшие светские учебные заведения. Оба автора рассказывали на страницах мемуаров о своих одноклассниках, которые, не окончив курса, ушли из семинарии, поступив на медицинский факультет Московского университета, в медико-хирургическую академию, педагогический институт в Санкт-Петербурге, в Харьковский университет, Московскую сельскохозяйственную Петровско-Разумовскую академию. Однако такой путь был открыт только для самых целеустремленных, поскольку в середине XIX в. поступление в светские учебные заведения было трудным делом, требовало не только сдачи дополнительных экзаменов, но и было возможным только по вызову начальства сверху.

Цезаревский очень положительно относился к этому устремлению воспитанников духовных семинарий, констатируя: «Мы стремились в университеты и академии». Он и сам оставил духовное сословие, получив медицинское образование. При этом он подчеркивал, что это стремление было продиктовано не меркантильными интересами, а желанием служить своему народу: «Мы ехали в университеты с чистейшим намерением непременно возвратиться на работу в родной же край, нужды которого мы ясно сознавали и ясно видели совершенно неудовлетворенными» [4, с. 250]. Сердобольский же более скупое оценивал влечение своих одноклассников к высшему образованию, констатируя, что это «была общая болезнь семинарий того времени», объясняя это стремление бедностью духовенства [9, с. 208].

Интересно, что П. В. Цезаревский очень сдержанно относился к нововведениям устава 1867 г., который был одним из самых демократичных из всех семинарских уставов. Именно этот устав предоставил всем учащимся поступать в университеты без длинной сложной процедуры выхода из духовного сословия. Главное, что не устраивало П. В. Цезаревского в Уставе 1867 г., – это развитие формализма в учебном процессе. Усиление административной власти местных епископов и введение определенных программ наложило, по мнению автора, узду на свободу преподавания, разрушило сближение семинаристов с увлеченными своим делом преподавателями: «Семинаристы по молодости лет, а учителя их по несоответствию их прав с обязанностями перенесли центр тяжести образования на формальное отношение к нему и на внешность» [13, с. 275]. Поэтому, по его мнению, поступление в академии и университеты стало более зависеть от материальных средств и случайностей арифметической оценки знаний, чем от дарований учеников и их душевных качеств.

Поэтому представляется, что не случайно в мемуарах Цезаревского нашел отражение эпизод с пу-

бликацией на страницах местной газеты фельетона «Голос с фабрики», в которой осуждалось требование начальства строго соблюдать формальные нормы поведения. Хотя сам Цезаревский ошибочно указал, что данная заметка была напечатана «Воронежским листком» [14, с. 50]. Работа с подшивками газет Воронежа того периода позволила установить, что статья «Голос с фабрики» была размещена в газете «Дон» [15, с. 1]. В самой статье место действия не указывалось, и то, что речь идет о Воронежской духовной семинарии, можно было догадаться только по контексту. Заметка была построена как пересказ беседы двух приятелей, один из которых возмущается появлением нового надсмотрщика, требовавшего со своих подопечных почтения, обязательного поклона при встрече и снятия шапки. Факт появления подобной публикации вызвал резкое недовольство инспектора классов А. А. Ермоленко. Инспектор собрал всех семинаристов в общем зале, с возмущением прочитал фельетон, высказал все, что думает по этому поводу. Как объяснял сам П. В. Цезаревский, А. А. Ермоленко был человеком, до глубины души проникнутым идеей долга, но не имеющий опыта управления, «по своему неумелому и несвоевременному служебному рвению» стал проводить в семинарскую жизнь режим уже доживающего свой век «Устава» с его требованиями смиренномудрия, чинопочтения, отеческих наказаний и искоренения свободомыслия» [14, с. 51].

Таким образом, одна из основных идей, которая постоянно мелькает на страницах мемуаров П. В. Цезаревского, состоит в том, что главный недостаток духовной школы на рубеже веков – это формальное соблюдение Устава. Сам же он очень ценит ту атмосферу духовного творчества, в которой вырос сам. Неслучайно, говоря про Уставы второй половины XIX в. и многочисленные дополнения к ним, он восклицал: «Лучше не иметь Устава, да дело делать, чем ограничиваться только Уставом... без дела. И сколько ни выработывали этих уставов и духовных, и классических, и реальных – все что-то не везет им, и не пора ли заняться выработкой не Уставов идеальных и примерных, а возвращением к доверию людям идеальным и примерным, а пресечь их непримиримую деятельность всегда успеть можно» [16, с. 294].

В целом, подводя итог, следует отметить, что авторы мемуаров, так или иначе, осмысливают наиболее болезненные точки жизни духовно-учебных заведений, которые были источником волнений семинаристов начала XX в. Сердобольский более сдержан в оценках этих движений и течений, П. В. Цезаревский в большей степени критично относится к проблемам духовных семинарий. Однако оба наглядно показали, что вызвало недовольство воспитанников духовных семинарий начала XX в. – жесткий контроль над чтением учеников, надзор за посещением богослуже-

ний, формальное соблюдение норм устава – все это отсутствовало в Воронежской духовной семинарии в период их учебы. И самым ценным для них являлся дух творчества и саморазвития. Они пришли к выводу, что увлечение передовой литературой, тяга к чтению, стремление к светскому образованию, свободное посещение библиотек – все это не «принесло особого вреда» авторам воспоминаний. В этой формулировке видно, что оба автора не до конца преодолели стереотипы сословного менталитета, им чужды идеи коренного реформирования духовной школы. Однако они очень ярко показывают, что именно тот творческий дух, в котором они учились, не позволил развиваться наиболее уродливым формам жизни, которые были характерны для многих семинарий в начале XX в.: пьянству, картежной игре, похождениям по публичным домам. Именно этот дух и уберег авторов воспоминаний от увлечений радикальными идеями того времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литвинов В. В. Питомцы Воронежской духовной семинарии, вышедшие из духовного звания / В. В. Литвинов. – Воронеж, 1914.
2. Выпускники Воронежской духовной семинарии 1745–2015. Материалы к биографическому справочнику. – Воронеж, 2015.
3. Цезаревский П. В. Шестидесятые годы в духовной семинарии. Воспоминания / П. В. Цезаревский // Звонарь. – 1906. – № 1. – С. 247–281.
4. Цезаревский П. В. Шестидесятые годы в духовной семинарии. Воспоминания / П. В. Цезаревский // Звонарь. – 1906. – № 4. – С. 243–262.
5. С-к-й [Сердобольский А. П.] Из воспоминаний Воронежского семинариста 1859 до 1865 гг. / А. П. Сердобольский // Воронежские епархиальные ведомости. – 1899. – № 19, ч. неофиц. – С. 763–782.
6. Руткевич П. Семинарские годы. Воспоминания о Киевской духовной семинарии. 1873–1879 / П. Руткевич. – Киев, 1912. – 21 с.
7. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 802. – Оп. 9 (1878). – Д. 41. – Л. 53.
8. Manchester L. Holy Fathers, Secular Sons : Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia / L. Manchester. – Northern Illinois University Press. – 2008. – 304 p.
9. С-к-й [Сердобольский А. П.] Из воспоминаний Воронежского семинариста 1859 до 1865 гг. / А. П. Сердобольский // Воронежские епархиальные ведомости. – 1900. – № 5, ч. неофиц. – С. 195–210.
10. РГИА. – Ф. 802. – Оп. 9 (1883). – Д. 15. – Л. 41.
11. РГИА. – Ф. 802. – Оп. 9 (1891). – Д. 26. – Л. 70 об.
12. РГИА. – Ф. 802. – Оп. 10 (1905). – Д. 68. – Л. 5.
13. Цезаревский П. В. Шестидесятые годы в духовной семинарии. Воспоминания / П. В. Цезаревский // Звонарь. – 1906. – № 6. – С. 268–286.
14. Цезаревский П. В. Шестидесятые годы в духовной семинарии. Воспоминания / П. В. Цезаревский // Звонарь. – 1907. – № 7. – С. 48–69 (пагинация 2-я).
15. Голос с фабрики (аллегория) // Дон. – 1869. – № 15. – 6 февр. – С. 1.
16. Цезаревский П. В. Шестидесятые годы в духовной семинарии. Воспоминания / П. В. Цезаревский // Звонарь. – 1906. – № 2/3. – С. 272–294.

Рязанский государственный университет имени
С. А. Есенина
Попова О. Д., доктор исторических наук, профессор
кафедры социологии
E-mail: od-popova@mail.ru
Тел.: 8-915-601-15-46

Ryazan State University named after S. A. Esenin
Popova O. D., Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Sociology Department
E-mail: od-popova@mail.ru
Tel.: 8-915-601-15-46